

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е сентября, 1885.

Русская печать о Финляндіи.—Представленія, возстающія изъ могилы.—„Русь“ и берлинскій трактатъ.—„Хорошіе“ и „дурные“ учебники.—„Кому у насъ весело?“—Отставки городскихъ головъ въ Ревелѣ и Ригѣ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Петербурга начинается обширная, малонаселенная страна, природныя красоты которой извѣстны петербургскимъ жителямъ гораздо больше, чѣмъ внутреннее ея устройство. Чтобы привлечь къ ней, на время, вниманіе русскаго общества и русской печати, нужно что-нибудь экстренное, въ родѣ послѣдней сессіи финляндскаго сейма или недавняго посѣщенія Государемъ Императоромъ Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. Съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяется, въ такихъ случаяхъ, одно и то же явленіе: рѣзкое противорѣчіе во взглядахъ и чувствахъ, возбуждаемыхъ ближайшимъ знакомствомъ съ финляндскими порядками. Въ однихъ глубокое сочувствіе къ Финляндіи смѣшивается съ тяжелымъ раздумьемъ о судьбѣ ея сосѣда, съ невольнымъ сожалѣніемъ о томъ, что многое, издавна осуществленное по ту сторону рѣки Сестры, до сихъ поръ остается недоступнымъ для Россіи; въ другихъ мѣсто сожалѣнія заступаетъ досада, мѣсто сочувствія—едва скрываема антипатія. Никогда, кажется, эта двойственность впечатлѣній не выражалась такъ ярко, какъ именно въ послѣднее время. Въ корреспонденціяхъ, описывавшихъ поѣздку царской фамиліи по Финляндіи, преобладало настроеніе, благопріятное для финляндцевъ; но не успѣли еще замолкнуть отголоски торжества, какъ послышались уже новыя варіаціи на старую, злобную тѣму. „Каждому финноману,—читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ,—слѣдуетъ и на утренней, и на вечерней молитвѣ вспоминать, что онъ сынъ страны самой бѣдной, самой непроизводительной въ Европѣ, и гражданинъ народа, въ расовомъ отношеніи одареннаго весьма малою, скудною интеллигенціею... Территорія Финляндіи принадлежитъ Россіи, народъ же финскій, въ виду его простоты, честности и политической безпритязательности, оставленъ нами жить на этой территоріи, въ качествѣ ея безсрочнаго арендатора. Если Финляндія пользуется теперь правами, которыми дорожить, то этимъ она обязана всего менѣе своей силѣ, также и не богатству страны,—но прямо обязана нашему великодушію и шведскому приплому дворянству, имѣвшему возможность за счетомъ Россіи не только сохра-